АРХИВ «ЛГ»

К 80-летию со дня рождения Евгения ПЕТРОВА

Евгений Петрович Петров мог бы дожить до своего 80-летия, если бы не война, — он погиб в июле 1942 года, возвращаясь в Москву из Севастополя.

Петров — в этом сходятся все писавшие о нем — был человеком необычайной и действенной доброты и заразительного оптимизма. Как писателю ему пришлось начинать дважды — в первый раз вместе с Ильей Ильфом (тогда возник всенародно любимый писатель Ильф—Петров), а второй раз, когда Ильфа не стало.

С первых дней Отечественной войны Евгений Петров — военный корреспондент «Правды» и Совинформбюро. Он изъездил многие участки фронта — результатом этих поездок стала книга «Фронтовой дневник», вышедшая уже после его гибели. Илья Эренбург писал о Петрове в предисловии к этой книге: «Он принес в советскую литературу фантазию юга и глубоко человеческий, просветляющий душу юмор... Он умел видеть: у него были не только глаза художника, но и сердце художника».

Ильф и Петров познакомились с Эренбургом в Москве в 1932 году, а подружились год спустя, когда приехали в Париж. Эренбург был в те годы парижским корреспондентом «Известий» и неизменно оказывался гидом деятелей советской культуры, приезжавших во Францию. В тогдашних письмах Эренбурга в Москву его секретарю В. А. Мильман, письмах деловых, в которых почти ничего нет о парижских встречах и впечатлениях, о встречах с Ильфом и Петровым говорится дважды. 21 ноября 1933 года Эренбург с характерной лаконичностью сообщает: «Здесь теперь Ильф и Петров. Показываю им Париж». И через неделю снова: «Здесь Ильф и Петров — очень славные».

Илья Эренбург не раз вспоминал о встречах с Ильфом и Петровым. В архиве Ирины Ильиничны Эренбург сохранилась стенограмма выступления ее отца на вечере памяти Ильфа и Петрова, состоявшемся в Москве, в Центральном Доме литераторов, 11 апреля 1947 года. За год до того Эренбург был в Америке: он был там через десять лет после Ильфа и Петрова и на внешнее благополучие американской жизни смотрел другими глазами — глазами народа, пережившего невероятные страдания и победившего. Отсюда его мысль, что книга Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» — это «самое ласковое, что можно было написать об Америке».

Выступление И. Г. Эренбурга публикуется впервые.

ОН СМЯГЧАЛ ЖИЗНЬ СВОЕЙ ДОБРОТОЙ

Илья ЭРЕНБУРГ

...То, как Ильф и Петров работали вместе, для всех навсегда останется тайной. Не потому, что странно — пишут два человека всегда вдвоем, а потому, что я никогда не представлял себе возможности слияния таких разных людей. Ильф был человеком резкой и ясной мысли. Его «Записные книжки» хорошо говорят об этом. Он был беспощадным. А Петров был в творчестве добряком. Как они дополняли друг друга, кто что приносил — эту тайну они унесли с собой.

Мне кажется, что их совместные книги шли часто под душевным знаком Петрова. Он был настолько добрый, что видел хорошее всюду, где можно было его отдаленно предположить. Он смягчал жизнь своей добротой... Книга «Одноэтажная Америка» — это самое ласковое, что можно было написать об Америке. В ней очень много злого, но это зло неизбежно, оно происходит не от воли авторов, а от самой модели. Я бы сказал, что более облагораживающего портрета американцев, чем написали Ильф и Петров, нельзя было написать. Они облагородили их, очеловечили. В высказываниях и шутках их гидов и в шутках, направленных по отношению к ним, есть доброта и желание пощадить и вера в какую-то возможность преодоления этим миром его страшной сущности. Все это сделано с большой наблюдательностью.

Мне приходилось видеть за границей почти всех наших писателей. В общем, за период между 1922 годом и европейской войной в Париже перебывали, за редким исключением, почти все наши литераторы. Ильф и Петров резко выделялись умением глядеть без той лихорадки: «Ах, как это чудно!» — а через пять минут: «Я на это плюю». У них было умение понять, был настоящий взгляд, широкий взгляд на мир...

Я хочу еще сказать о Петрове, о последних годах Петрова.

Потрясает, как такого добряка зло могло довести до благородной ненависти. Это для меня было одной из потрясающих метаморфоз войны. Он без всяких оговорок пошел в бой. Я говорю «бой», потому что то, что он делал, иначе нельзя было назвать. У нас сейчас все немного путаются — ведь война отошла в прошлое, и мы читаем, что в 1941—1942 годах все писали патриотические статьи и ездили на фронт. Я не против того, чтобы вносили в дом новые благородные портреты, но против того, чтобы эти портреты заслоняли тех, кто по праву заслуживает этого.

Евгений Петрович Петров с первых дней войны отдал себя целиком одному делу. И он выбрал самое трудное. Он писал для Америки. Я знаю, что ему это было тяжело и что он хотел писать для советских читателей. И, кажется, это было самое понятное человеческое право — говорить прежде всего со своими читателями. Но нужно было писать тогда для Америки, нужно было пробить брешь, нужно было работать так, как работали люди в седьмых отделах[1], как выполняли люди тяжелые работы на войне. Петров сначала просил, чтобы его освободили от этого, но когда ему сказали, что он должен это делать, что он известен в Америке (это правда — их обоих хорошо знают в Америке), он взялся за это дело. И часто, когда его просили написать в «Правду», в «Известия», у него не было времени. Он писал с необычайной честностью, с неистовством статьи в Америку.

Вспоминаю одну из моих встреч с Петровым по возвращении его с фронта. Это было в гостинице «Москва», которая не была похожа на теперешнюю гостиницу «Москва». Военная гостиница 1941 — начала 1942 года. Фронт, на который уезжали утром, а возвращались вечером...

Я помню, как Петров приехал контуженный из-под Юхнова. На МОГЭСе была авария, и так как гостиница «Москва» обслуживается целиком МОГЭСом, то там не было света, не было воды и не было лифта, а Петров чувствовал себя плохо, у него болела грудь, воздушная волна ударила его, и он не мог держаться на ногах. Он жаждал скорее приехать в гостиницу, и у него были смутные мысли, как бывает у тяжелобольных: у него было желание залезть в горячую воду, ему казалось, что это освободит его от боли. Он вошел в гостиницу и должен был ползти по лестнице наверх, потому что не работал лифт. Он взбирался по лестнице с огромным трудом, едва дошел до комнаты, свалился и никого даже не мог предупредить. У него не было сил позвонить и кого-нибудь к себе позвать. А как только он пришел в себя, он взял машинку и начал писать статью для газеты.

Я был вместе с Петровым, когда он решил ехать в Севастополь. Это было в комнате Константина Александровича Уманского[2], который очень дружил с Петровым. Пришел адмирал Исаков[3], друг Уманского, и начал рассказывать о Севастополе. Петров два часа убеждал Исакова, что он должен поехать в Севастополь. И два часа Исаков, Уманский и я его отговаривали. Это довольно страшное воспоминание — Уманский погиб, Исаков был тяжело ранен и подвергся ампутации, и вы знаете смерть Евгения Петровича, вы знаете статью, которую он начал писать о Севастополе.

Я преклоняюсь не перед литературой, не перед профессиональным долгом, не перед человеком, который хватается за перо и за машинку, я преклоняюсь перед тем, что писатель может забыть и о пере, и о машинке и быть в эти годы солдатом. И, право, это не так часто валяется на улице, чтобы можно было об этом спокойно говорить.

Это замечательное свойство связано, конечно, с тем большим душевным даром, который был отпущен им обоим, и мы можем гордиться не только теми книгами, которые они написали: каждый из нас понимает, что они могли бы написать еще больше, еще глубже, если бы мир был таким, каким он иногда грезился Евгению Петровичу в его доброте. Если бы мир был такой, они могли бы спокойно смеяться и так ласково думать, как это мог «злой» Ильф и добрый Петров.

То, что они жили среди нас, — для нас большое счастье и пример.

Публикация и предисловие В. ПОПОВА и Б. ФРЕЗИНСКОГО

[1] Отделы, ведшие контрпропаганду среди противника.

[2] Советский дипломат, погиб в Мексике в январе 1945 г.

[3] И. С. Исаков был в ту пору заместителем наркома флота.